

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:
91, rue du Faubourg Saint-Denis,
PARIS-10e. TAF 13-16
«LA PENSÉE RUSSE»
C.C.P. 5883-11, PARIS.

Редактор
С. А. ВОДОВ

MARDI, JEUDI et SAMEDI

Выходит по ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ и СУББОТАМ

ОСНОВАТЕЛЬ В. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Directeur
Serge VODOFF

Прием по делам Редакции и Конторы
ежедневно от 10 до 18 часов,
кроме суббот и воскресений.
В экстренных случаях
Звонить в типографию: MEN. 01-29

Поздний Чехов

[„В овраге“]

В ПОСЛЕДНИЕ свои годы Чехов нередко встречался с Горьким. Как художника ценил его невысоко, но облик считал интересным и до некоей степени «роковым» — в чем и не ошибся.

Горький оказался связью Чехова с миром, ему вообще неподходящим, миром крайних левых. Появляются первые марксистские журналы «Начало», «Жизнь» — в этой «Жизни» повесть Чехова «В овраге».

От Чехова ничего не убавилось, что он напечатал в «Жизни» свою повесть. В некоем роде даже прибавилось. Лишний раз показал он себя как человека: в объявлении журнал выдвинул имя Чехова крупным шрифтом. Чехов написал редактору: не надо выделять, пусть будет он как все, как сотоварищи.

Горький от повести был в восторге. Кажется, и марксистам понравилось: Цыбукин «кулак», в лавке его продавали иногда тухлое, рабочие жили убого, а фабриканты Хрымины хорошо.

Не все таки, дело сложнее. Конечно, Уклеево, село, стоявшее в овраге, тем лишь и было извест-

но, что там однажды на поминках дьячек съел всю икру (Бунин передавал мне, что это именно он рассказал Чехову о дьячке). Это село — яма. Но и над ямой бывают звезды, бывают и такие закаты, которые никак не похожи ни на лавку, ни на фабрику. Золото их, неземная прозрачность, невероятная нежность облачков, блеск креста в солнечных лучах говорят о лучшем мире. Говорят о нем (собою, своим обликом) некоторые и люди — не одни Аксиньи там живут, не одни фабриканты и лавочники.

Зло и грубость, жадность и жестокость внешне победительны. Но как и в «Дяде Ване» внутренне побеждают смиренные и святые. Партия Аксиньи, Цыбукина, Хрыминых, — это одно, а Варвара, Костыль и особенно Липа — другое. Во внешнем всегда правят и будут править одни, во внутреннем побеждают другие. В жизни оврага они гонимы, нищи и незаметны. Они заметны и сиятельны только в золотом закате над оврагом. Аксинья может отлично обварить из злобы младенца Липы и в овражной жизни это

проходит ей безнаказанно, даже она и преуспевает потом в союзе с Хрымиными. Но вверху побеждает Липа.

Когда безвинно погиб от людской злобы младенец Никифор и Липа несет тельце его из больницы домой в Уклеево, ей встречаются ночью у костра мужики, старик и парень. «Кому повем печаль мою?» В раннем рассказе старик-извозчик поведал своей лошади. Здесь молодая женщина случайным встречным. Да, она рассказывает.

«Старик поднял уголек, раздул — осветились только его глаза и нос, потом, когда отыскиали дугу, подошел с огнем к Липе и взглянул на нее; и взгляд его выражал сострадание и нежность.

— Ты мать, — сказал он. — Всякой матери свое дитя жалко.

Потом опять стало темно, длинный Вавила возился около телег.

— Вы святые? — спросила Липа у старика. (Как смело, и как удачно дал Чехов эту фразу Липе!).

Старик отвечает:

— Нет, мы из Фирсанова.

Он не пророк, и не святой. Он «из Фирсанова» — и в этом весь Чехов. Но сам тон разговора таков, будто дело происходит не близ Фирсанова (чтобы не сказать чеховского Мелихова), а в Самарии или Галилее.

Старик взял Липу с собой в телегу и подвез. И тут, под русским небом, в тишине звезд на-

ших происходит разговор, возводящий к Священному Писанию (хотя о Писании этом не сказано ни слова).

Липа рассказывает как весь день мучился ее обваренный ребенок. «Господи Батюшка, Царица Небесная! Я с горя так все и падала на пол. Стою и упаду возле кровати. И скажи мне, дедушка, зачем маленькому перед смертью мучиться? Когда мучается большой человек, мужик или женщина, то грехи прощаются, а зачем маленькому, когда у него нет грехов? Зачем?

— А кто ж его знает! — ответил старик. Проехали с полчаса молча.

— Всего знать нельзя, зачем да как — сказал старик. — Птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух лететь способно; так и человеку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько ему надо знать, чтобы прожить, столько и знает».

Больше он ничего не говорит. Но подразумевается: знать не дано, а принимать надо. Собственно, начинается уже книга Иова.

Никогда старик из Фирсанова не читал Иова, вряд ли читал его и Чехов, но смысл все тот же, Бог тоже все тот же, лишь Новозаветный, та же и тайна судебных наших — (за что? почему?). Тот же извечный материнский вопль о погибающих младенцах, что раздавался и во времена Ирода, при избииении их.

Иногда ведет этот вопль к возмущению, бунту: не приемлю судьбу, восстаю, «возвращаю билет». Не так с этой Липой. Она не восстанет и не восстает. Именно потому, что смиренно приемлет — вот мир и свет, через само страдание, к ней сходят. В доме Цыбукина, в зловонной Яме только лишь Варвара в келейном своем углу нерушимо противостоит злу. Все остальное разваливается. Муж Липы Анисим в тюрьме — фальшивомонетчик. Старика Цыбукина, ослабевшего с годами, выгоняет та же Аксинья и он все теряет, но **конечная** судьба этой Аксиньи тоже пока неизвестна.

Липа не живет больше в доме Цыбукиных, она так же бедна, как и ее мать, но Царство Божие именно в них, как и в подрядчике Костыле: мир души, любовь и свет.

Вот как кончается замечательная эта повесть: вечер, очень светлый и ясный. Бабы и девки возвращаются домой со станции, где нагружали вагоны кирпичом. «Они пели. Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился, и можно отдохнуть».

Спускаясь в Уклево, в этом златистом осеннем вечере, встретили они старика Цыбукина. «Липа и Прасковья немножно отстали и, когда старик поравнялся с ними, Липа поклонилась низко и сказала:

— Здравствуйте, Григорий Петрович!

И мать тоже поклонилась. Старик остановился и, ничего не говоря, смотрел на обеих, губы у него дрожали и глаза были полны слез. Липа достала из узелка у матери кусок пирога с кашей и подала ему. Он взял и стал есть».

«Липа и Прасковья пошли дальше и долго потом крестились».

Это и есть конец той необыкновенной повести, которая начинается бунинским дьячком с икрой, а кончается словом: «крестились».

Чехов милует в этом своем писании и фальшивомонетчика Анисима (из тюрьмы приславшего лишь строчку: «Я болею тут, мне тяжело, помогите ради Христа» — строчка как бы зачеркивает сразу его грехи), и старика Цыбукина, тоже много грешившего, а на старости лет принимающего подаяние нищей снохи.

На всей повести лежит некий волшебный оттенок. Над уклеевской Ямой странным образом летит — именно летит, а не приходит, почти невесомый облик Липы, то в звездной ночи, с младенцем на руках, то в блеске заката с торжествующею песнею и смиренной любовью. Так она в сердце и остается. Чехову дано было написать в этой Липе с младенцем видение как бы евангельского оттенка.

Бор. Зайцев